

Глава 12

Тао Циньюй привел Цинь Чжу в свою комнату и, плотно притворив дверь, с подозрением уставился на него.

У этого дурачка улыбка едва ли не до ушей доходила. Неужели суженый так сильно пришелся ему по сердцу?

— Еще недавно ходил с похоронным видом, а теперь поглядите на него — сияет, как медный грош. Неужто и впрямь искра проскочила?

Цинь Чжу придвинулся ближе. Его глаза блестели, а на бледных щеках проступил нежный румянец, делаая его краше весенних цветов персика.

— А ты угадай, кто это!

Тао Циньюй нахмурился и предположил:

— Только не говори, что это тот самый человек, который тебе нравился?

— Сяо Юй, ты просто невероятный!

Мальчишка бросился вперед и, точно коала, повис на друге. Липучести ему было не занимать.

Циньюй с трудом отцепил его от себя и усадил на табурет.

— Ну, выкладывай: кто он?

Какой же наглец умудрился завладеть помыслами его маленького глупыша, пока сам Циньюй был не в курсе?

— Ну... ты же его знаешь, — Цинь Чжу вдруг густо покраснел и отвернулся, стыдливо пряча лицо.

Глядя на него, Тао Циньюй ощутил легкий укол досады.

«Надо же, как засмутился»

— Я тебя спрашиваю, а ты молчишь. Откуда мне знать?

Цинь Чжу обернулся и смешно сморщил нос:

— Сяо Юй, ты такой недогадливый.

— Из уезда? Ученый?

— Нет.

— Наставник?

— Да нет же! Ой, ладно, так и скажу: это старший сын семьи Чжоу.

— Семья Чжоу... — Тао Циньюй знал в уезде лишь одну достойную семью с такой фамилией. — Чжоу! Лин! И!

— Ага, он самый, — А Чжу закрыл пылающее лицо руками и повалился на кровать друга, глупо хихикая и болтая ногами.

Тао Циньюй едва не задохнулся от возмущения:

— То-то я смотрю! Оказывается, это был Чжоу Линъи! Теперь понятно, почему он вечно таскался за учителем Фаном к моему прилавку. А когда ты был рядом, еще и уводил тебя в сторонку пошептаться. Значит, всё это было спланировано заранее! Цинь А Чжу, тебя же просто обвели вокруг пальца!

Цинь Чжу захлопал ресницами.

«Неужели... всё так и было?»

Его друг, будучи с ним на одной волне, уверенно отчеканил:

— Именно так.

Юноша приподнялся и, словно мышонок, стащивший кусочек сала, подобрался поближе к Циньюю.

— Но ведь учитель Фан всегда приходил первым, — прошептал он. — Тебе не кажется, что этот учитель Фан проявляет к тебе... ну, некоторую...

Тао Циньюй щелкнул его по лбу:

— Просто он любит рыбу. Какое это имеет отношение ко мне?

— Но может, всё-таки самую капельку...

— Невозможно. Уйми воображение.

— О, — Чжу-гээр обхватил колени руками, и лицо его поскучнело.

— Только что ведь смеялся. Опять расстроился?

— М-м. Сяо Юй такой замечательный, почему бы и нет?

Хозяин Сяо Юй лишь усмехнулся:

— Только ты один так и думаешь.

— И вовсе не один! — Цинь Чжу вскочил, запальчиво выкрикнув это.

Ему было всего шестнадцать, и в этом возрасте мечтать было в порядке вещей. Тао Цинъюй лишь ласково погладил его по голове, не став спорить.

— Что это «вовсе не один»? — в дверь дважды постучали, и в комнату вошел Фан У.

— Младший папочка! — Цинь Чжу расплылся в улыбке и тут же подбежал к нему, ласково прильнув к руке.

— Ох! А Чжу, умница, — сердце Фан У при виде ласкового юноши готово было растаять.

Посмотрите только, какой милый и заботливый ребенок. Совсем не то что его Юй-гээр. Эх, да что уж говорить, одни расстройства.

— Младший папочка, — позвал Тао Цинъюй.

— Твой третий дедушка зовет ужинать.

— Тогда... я тоже пойду! Младший папочка, до свидания! Сяо Юй, пока!

— Стой! Чжу-гээр! — Фан У посмотрел на парня, который, точно кролик, в мгновение ока умчался прочь. — Вот ведь непоседа, даже договорить не дал. Дома ведь тоже ужин готовят.

Тао Цинъюй добавил:

— Если бы он задержался еще немного, его отец сам бы пришел за ним.

— И то верно, — кивнул Фан У.

С многочисленным семейством Цинь он связываться не желал. Отношения между их домами были прохладными, но А Чжу с его сыном дружили с малых лет, так что он старался не вмешиваться.

— Пойдем, младший папочка.

Зимой солнце садилось рано, и к вечеру становилось особенно зябко.

Гостей на ужине было немного: только свои и родня Тао Юфана. Пиршество не было официальным, так что всей семьей идти не стоило. Тао Цинъюй с младшим папочкой да несколько ребятишек вроде Цинцзя — этого было вполне достаточно.

Третий дедушка тоже жил в соломенной хижине, но она была просторнее. С виду хозяйство казалось скромным, но, по словам деда Цинъюя, семья третьего дедушки через пару лет собиралась купить дом в уезде, чтобы на старости лет перебраться в город. Глядя на них, можно было только вздыхать о такой пропасти в достатке.

Во дворе столы и скамьи уже убрали в дом. К началу ужина накрыли всего два стола. Тао Цинъюй бегло осмотрелся, но Тао Цзиня не увидел. Из разговоров за соседним столом он узнал, что дядя Сяо Цзинь еще днем уехал обратно в уезд.

Третий дедушка, охмелев, раскраснелся и то и дело хвастался успехами своих детей и внуков. Все, кто сидел за столом, только и делали, что слушали его одного.

Как говаривал дед Цинъюй: «Младший сын — ученый человек, работает счетоводом в трактире. Его жалования за месяц хватит на то, чтобы вся наша семья целый год в поле не разгибалась». Против истины не попрешь, так что остальным оставалось только помалкивать, пока тот распинался.

Тао Цинъюй лишь вздохнул.

«Если бы не преграды для тех, кто хочет стать счетоводом, я бы тоже мог похвастаться успехами. К сожалению, законы этого мира суровы — я пробовал устроиться, но меня не приняли»

Опустив глаза, юноша отогнал лишние мысли и принялся за еду. Сейчас не было ничего

важнее, чем наполнить желудок.

***

После ужина задерживаться не стали. Поблагодарив хозяев, все разошлись по домам.

Не успели они войти во двор, как из-под навеса, оторвавшись от миски, к ним бросился Сяо Хуан, радостно виляя хвостом. Тао Цинъюй глянул на его раздувшийся живот и потрепал пса за уши.

— Смотри, пузо лопнет. Хватит с тебя на сегодня.

— Ну наконец-то вернулись, — раздался женский голос.

Тао Цинъюй увидел, как мальчишка со всех ног несется в дом.

— Матушка! Отец! — вопил Цинцзя.

Второй дядя, Тао Синлун, вернулся вместе со своей женой Сун Хуань. Рядом с ними стоял старший брат Цинцзя — Тао Циншу. Несмотря на юные годы, Циншу выглядел очень степенным. Как и сам Цинъюй, он рано начал работать, чтобы помогать семье.

— Брат! — радостно крикнул Цинцзя.

Он ласково взъерошил волосы младшего:

— Хорошо ли вел себя дома?

— Очень хорошо! Спроси хоть у Цинъя или Цинмяо!

Циншу со смехом подхватил младшего брата на руки и немного подбросил:

— Они еще маленькие, их слово не в счет.

— Второй дядя, вторая тетушка, — Тао Цинъюй оставил собаку в покое и вошел в дом.

— Брат У, Юй-гээр, — поприветствовала их Сун Хуань.

Когда всё семейство собралось вместе, в главной комнате стало тесно. Тао Синлун, который

редко бывал дома, теперь сидел и неспешно беседовал с родней. Его жена раздала детям гостинцы, а затем отвела племянника в западную комнату.

— Юй-гээр совсем себя запустил, кожа совсем огрубела, — сокрушалась она.

Тао Цинъюй невольно поморщился — вторая тетушка, как всегда, была прямолинейна.

— Вторая тетушка, я же рыбу продаю и в снег, и в зной. Где уж мне быть такой беленькой, как вы?

Она не удержалась от смеха:

— Какая уж там белизна, старость не радость.

— Да какая старость в тридцать с небольшим? — тут же ввернул Цинъюй.

— Ох, ну и льстец же ты.

Женщина действовала быстро: первым делом она развязала пыльную ленту на голове юноши. Длинные волосы Тао Цинъюя рассыпались по плечам темным водопадом. Каждая прядь была гладкой и блестящей — таким волосам позавидовала бы любая девица, даже та, что холит их изо дня в день.

— Вторая тетушка! — Тао Цинъюй попытался прикрыть голову руками.

— Даже дядя твой тебя не спасет, так что седи смиренно, — непререкаемым тоном заявила она и усадила его перед зеркалом.

Младшим было скучно слушать разговоры взрослых, поэтому они вместе со своим младшим папочкой заглянули в комнату второй тетушки, чтобы проведать старшего брата.

Ян Цюэ, глядя на то, как юноша пытается спрятаться, усмехнулся:

— Совсем тебе заняться нечем? Едва вернулась — и давай опять мучить парня.

— Возраст подошел, кого же мне еще мучить, если не его? — парировала Сун Хуань. — К тому же я его вырастила, считай, вторая мать. Не могу я спокойно смотреть, как он ходит. Причесать да принарядить — святое дело.

— Ну ладно, делай что хочешь, лишь бы тебе в радость было, — Ян Цюэ обнял своих Цинъюя и Цинъюя, устроившись поудобнее, принялся наблюдать за преображением.

Фан У усмехнулся и подошел помочь, подавая гребни.

Циньюй жалобно посмотрел на своего младшего папочку. Тот лишь легонько погладил его по голове:

— Потерпи, хороший мой. Мне тоже хочется на тебя нарядного посмотреть.

Будь у него возможность, он бы каждый день наряжал своего сына так же красиво, как Цинь Чжу.

Братья семьи Тао обзавелись семьями поздно, и их супруги с малых лет воспринимали единственного гээр'а в доме, Тао Циньюя, как живую куклу для игр. В детстве тот был на редкость послушным: пухленькие щечки, огромные любопытные глаза, а стоило ему улыбнуться и позвать кого-нибудь — сердце так и таяло, хотелось отдать ему всё на свете. А главное — он почти никогда не плакал, и вся семья души в нем не чаяла.

Но парень вырос, и характер его стал далеко не кротким. От того нежного белого комочка не осталось и следа.

Сун Хуань воспитывала двоих сыновей, но к гээр'у питала особую нежность. Они с мужем работали в уезде и, чтобы не тратить время на дорогу, жили у ее родителей, так что дома бывали редко. Но каждый раз привозили подарки. Всем раздали по заслугам, а когда дело дошло до Тао Циньюя, тетушка сразу взялась за его прическу.

Она выросла в уезде, повидала жизнь и знала толк в красоте. Ее умелые руки быстро соорудили на голове юноши изящный узел. Часть волос осталась распущенной, а спереди она заплела несколько тонких косичек, переплетя их красными нитями. Сзади прическу закрепили лентой того же цвета. Просто, но со вкусом — этот образ очень шел юноше.

— Ну, взгляните. Хорошо получилось?

— Еще как хорошо! — Ян Цюэ подскочил с места и принялся рассматривать племянника со всех сторон. — И празднично, и красиво.

Сун Хуань лишь критично заметила:

— Разве что темноват лицом.

Тао Циньюй только горько усмехнулся.

— Всё уже?

— Нет еще, — вторая тетушка порылась в привезенном тюке с вещами и достала темно-красное одеяние с узкими рукавами. — Надевай.

Фан У, увидев обнову, сразу понял — сшито точно по меркам Цинъюя. Он нахмурился:

— Зачем снова тратиться на одежду? Парень уже взрослый, к чему такие расходы?

— Да я и не покупала, — отмахнулась она. — Ткань осталась в трактире после одного пышного банкета. Добротный шелк. Я подумала: наш старший уже совсем взрослый, не гоже ему вечно в обносках ходить. Как раз хватило на один наряд, для остальных привезу в другой раз.

Цинъюю ничего не оставалось, как переодеться. Наряд представлял собой длинный халат с перекрестным воротом и узкими рукавами. Ткань насыщенного красного цвета доходила до самых лодыжек. Талию стягивал широкий черный пояс, поверх которого был надет кожаный ремень, подчеркивающий стройность фигуры.

Сун Хуань придирчиво осмотрела его и прикрепила к поясу расшитый мешочек с благовониями. В один миг Тао Цинъюй превратился в статного, уверенного в себе юношу. Все — и малые, и великие — замерли в восхищении.

— Обувь не годится, — проворчала тетушка. — Есть что-нибудь новое?

— Есть, я только закончил шить, — Фан У с любовью смотрел на своего сына.

Она удовлетворенно кивнула:

— Вот и ладно. Шестого числа в этом и поедешь в уезд.

В душе у Тао Цинъюя зародилось нехорошее предчувствие.

— Может, лучше на Новый год надеть?

— На Новый год тоже наденешь, но шестого числа — обязательно.

Фан У и Ян Цюэ обменялись понимающими взглядами. Понятно теперь, к чему все эти сборы. Они и забыть успели, что нужно было предупредить Сун Хуань: Цинъюй сам решит, когда ему замуж выходить. Но раз уж тетушка так старалась, перечить ей было неловко. Да и парень в обиде не останется — наряд-то знатный получился.

— А шестого числа пир будет? — спросили в один голос Цинъя и Цинмяо.

Ян Цюэ ласково ущипнул своих чад за щеки:

— Не знаю. Спросите у своей второй тетушки.

— Пира не будет. Это дело касается только вашего старшего брата.

Она еще раз окинула племянника взглядом и заявила:

— Даю голову на отсечение: на этот раз наш Юй-гээр точно кого-нибудь привадит.

Тао Цинъюй в смущении затеребил край рукава.

«Я же не комар, зачем мне кого-то приваживать?»

— А можно я не поеду? — тихо спросил он.

Сун Хуань, пропустив его слова мимо ушей, обратилась к остальным:

— Мой отец в трактире слышал: шестого числа в академии Сюаньтун будет какой-то ученый спор. Там соберется немало достойных мужей. Наш парень либо дома сидит, либо рыбу продает — когда ему еще выпадет такой шанс с людьми познакомиться?

Тао Цинъюй предпринял последнюю попытку:

— Младший папочка, младший третий дядя, мы же договорились... я не...

— Тао Цинъюй! — строго прикрикнула Сун Хуань.

Юноша тут же вытянулся в струнку. Поймав на себе полные ожидания взгляды родных, он лишь обреченно вздохнул:

— Ладно... я поеду.

<http://bllate.org/book/15858/1440021>